П. Кропоткинъ.

АНАРХІЯ

и ея мѣсто въ соціалистической эволюціи.

Цѣна 8 коп.




П. КРАПОТКИНЪ.

АНАРХІЯ И ЕЯ МѢСТО

ВЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦІИ.

Переводъ съ французскаго.


БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

Граждане и гражданки!

Вы, навѣрное, не разъ спрашивали себя, какой смыслъ въ существованіи анархизма? Зачѣмъ, рядомъ со столькими существующими уже соціалистическими школами, основывать еще новую школу—анархистскую? На этотъ-то вопросъ я и намѣренъ отвѣтить. И для того, чтобъ наилучшимъ образомъ сдѣлать это, позвольте мнѣ перенестись къ концу прошедшаго столѣтія.

Вы знаете все, что охарактеризовало эту эпоху. Расцвѣтъ мысли; поразительное развитіе естественныхъ наукъ; неумолимая критика установившихся предразсудковъ; первые попытки объяснить природу истинно научнымъ образомъ, наблюденіемъ, опытомъ и разсужденіемъ.

Съ другой стороны, критика политическихъ учрежденій, перешедшихъ человѣчеству по наслѣдству отъ

прошлыхъ вѣковъ; стремленіе къ идеалу свободы, равенства и братства, который во всѣ времена былъ идеаломъ народныхъ массъ.

Замедленное въ своемъ свободномъ развитіи деспотизмомъ и узкимъ эгоизмомъ привилегированныхъ классовъ, это движеніе, одновременно поддерживаемое и благопріятствуемое взрывомъ народнаго негодованія, породило великую революцію, которой пришлось прокладывать себѣ дорогу среди тысячи внѣшнихъ и внутреннихъ препятствій.

Революція была побѣждена; но идеи ея остались. Преслѣдуемыя и оплеванныя сначала, эти идеи стали лозунгомъ медленной эволюціи цѣлаго вѣка. Вся исторія XIX столѣтія сводится къ усиліямъ перенести на практику принципы, выработанные въ концѣ прошлаго столѣтія. Такова судьба всѣхъ революцій. Хоть и побѣжденныя, онѣ даютъ содержаніе эволюціи, слѣдующей за ними.

Въ отношеніи политическомъ идеи эти сводятся къ уничтоженію привилегій аристократіи, удаленію личнаго правительства, равенству передъ закономъ. Въ экономическомъ отношеніи революція провозглашаетъ свободу торговыхъ сдѣлокъ. „Всѣ, говоритъ она, покупаютъ и продаютъ свободно. Продавайте предметы вашего производства,—если вы имѣете возможность производить; а если у васъ нѣтъ необходимыхъ для этого орудій, если у васъ имѣются на продажу только руки,—продавайте ихъ, продайте свою работу тому, кто больше дастъ, а государство не бу-

детъ вмѣшиваться! Боритесь между собой, предприниматели! Никому никакихъ льготъ. Естественный подборъ позаботится уже о томъ, чтобъ убить не оказавшихся на высотѣ индустріальнаго прогресса и благопріятствовать тѣмъ, кто обгонитъ другихъ".

Такова, по крайней мѣрѣ, революціонная *теорія* третьяго сословія. А если государство вмѣшается въ борьбу, оказывая покровительство однимъ въ ущербъ другимъ—это можно было видѣть недавно, когда шли споры о монополіяхъ горнозаводскихъ и желѣзнодорожныхъ компаній—либеральная школа будетъ говорить объ этомъ, какъ о печальномъ уклоненіи отъ великихъ принциповъ революціи, какъ о злоупотребленіи, которое необходимо загладить.

Результатъ? Увы, вы его слишкомъ хорошо знаете, гражданки и граждане, собравшіеся въ этой залѣ. Праздное довольство для немногихъ, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, нищета—для громаднаго большинства. Кризисы, войны за преобладаніе на рынкахъ; сумасшедшіе расходы государствъ ради пріобрѣтенія мѣстъ сбыта для промышленныхъ предпринимателей.

Провозглашая свободу торговыхъ сдѣлокъ, наши отцы оставили въ сторонѣ одинъ очень существенный пунктъ. И не потому, чтобъ они забыли о немъ; лучшіе люди призывали къ этому, но у нихъ не хватило смѣлости его осуществить. Дѣло въ томъ, что, провозгласивъ свободу торговыхъ сдѣлокъ, иначе говоря, борьбу между членами общества, общество не

поставило другъ противъ друга элементовъ, обладающихъ равной силой. И сильные, вооруженные для борьбы отцовскимъ наслѣдствомъ, двинули его на слабыхъ. Милліоны бѣдняковъ, поставленныхъ противъ нѣсколькихъ богачей, фатальнымъ образомъ должны были оказаться побѣжденными.

Гражданки и граждане! Задавали ли вы себѣ когданибудь вопросъ: откуда берется огромное состояніе богачей?—Результатъ ихъ работы? Было бы довольно наивной шуткой сказать это. Предположимъ, что г. Ротшильдъ работалъ всю свою жизнь. Но, вѣдь и вы тоже, каждый изъ рабочихъ, собравшихся здѣсь, тоже трудился. Почему же цифра состоянія Ротшильда представляетъ собою сотни милліоновъ, а вашего—такой пустякъ?

Причина этого очень проста. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ вамъ суждено производить самимъ, г. Ротшильду дано собирать плоды работы другихъ. Въ этомъ все.

„Но какимъ же это образомъ, скажутъ мнѣ, находятся милліоны людей, которые даютъ Ротшильдамъ и Маккаямъ скупать результаты своихъ трудовъ?"—Отвѣтъ простъ: они не могли бы сдѣлать иначе въ силу своей обездоленности!

Дѣйствительно, вообразите себѣ городъ, всѣ жители котораго—при условіи производства вещей полезныхъ для всѣхъ,—имѣютъ обезпеченнымъ жилище, одежду,

пищу и работу. И вообразите, что въ этотъ городъ является какой-нибудь Ротшильдъ съ боченкомъ золота.

Если онъ станетъ тратить свое золото, боченокъ опустѣетъ очень быстро. Если онъ запрячетъ его подъ ключъ, золото не станетъ сыпаться черезъ края, ибо золото не всходитъ какъ бобы, и черезъ годъ нашъ Ротшильдъ не найдетъ въ своемъ ящикѣ 110 луи, если онъ положилъ туда только сто. А если онъ выстроитъ заводъ и предложитъ жителямъ города работать на немъ за пять франковъ въ день, тогда какъ они будутъ производить на десять, ему отвѣтятъ: „У насъ, сударь, вы не найдете никого, кто согласился бы работать на подобныхъ условіяхъ! Ступайте въ другое мѣсто, поищите городъ, населенный несчастными людьми, не имѣющими ни обезпеченной работы, ни одежды, ни хлѣба. Они, пожалуй, согласятся отдать вамъ львиную долю продуктовъ своего труда, лишь бы только вы имъ дали на что купить хлѣба. Ступайте туда, гдѣ мрутъ съ голода! Тамъ вы сумѣете накопить состояніе!"

Источникъ громадныхъ состояній богачей—ваша нищета! Пусть не будетъ раньше обездоленныхъ! Тогда не станетъ и милліонеровъ.

Это и есть то самое, чего революція прошлаго столѣтія не сумѣла или не могла осуществить. Она поставила другъ противъ друга съ одной стороны, бывшихъ рабовъ, умирающихъ съ голоду, босяковъ, а съ другой стороны, тѣхъ, кто уже обладалъ состояніями. Она

сказала имъ: боритесь! И бѣдняки были побѣждены. У нихъ не было никакого состоянія; но они обладали кое чѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, чѣмъ золото всего свѣта—собственными руками. И эти руки, этотъ источникъ всѣхъ богатствъ, были порабощены богачами.

И мы видѣли, какъ возникали огромныя состоянія, которыя представляютъ характерную черту нашего вѣка. Король прошлаго столѣтія, „Великій Людовикъ XIV" продажныхъ историковъ, посмѣлъ ли онъ когда-нибудь мечтать о богатствѣ королей XIX столѣтія, Вандербильдовъ и Маккаевъ?

И съ другой стороны, мы видѣли, какъ бѣднякъ все болѣе и болѣе становился въ необходимость работать на другого; какъ мало по малу исчезаетъ производство на самого себя; и каждый день мы осуждены на трудъ для увеличенія состояній богачей.

Люди стали искать средствъ предупрежденія этихъ невзгодъ. Сказали: дадимъ всѣмъ равное образованіе. И стали распространять просвѣщеніе. Улучшили качество человѣческихъ машинъ, но эти образованныя машины все таки продолжаютъ трудиться для обогащенія другихъ. Какой-нибудь знаменитый ученый или прославленный романистъ, несмотря на все свое образованіе, весь свой талантъ, остается все еще вьючнымъ животнымъ капиталиста. Эксплоатируемый скотъ улучшается черезъ образованіе, но эксплоатація остается.

Тогда стали говорить объ ассоціаціяхъ. Но скоро стало ясно, что ассоціируя свои несчастія рабочіе не

справятся съ капиталомъ. И даже тѣ, которые питали больше всего иллюзій по этому предмету, должны были придти къ соціализму.

Робкій съ первыхъ шаговъ соціализмъ говорилъ сначала во имя чувства, во имя христіанской морали. Нашлись люди, глубоко пропитанные моральными сторонами христіанства,—основой человѣческой морали, сохраненной религіями,—которые стали говорить: „Христіанинъ не имѣетъ права эксплоатировать своихъ братьевъ!“ Но имъ отвѣчали, смѣясь въ глаза: „Проповѣдуйте народу христіанскую безропотность, говорите именемъ Христа, что народъ долженъ подставлять лѣвую щеку тому, кто его бьетъ по правой—милости просимъ! Что же до эгалитарныхъ мечтаній, которыя вы выискали въ христіанствѣ,—ступайте-ка въ тюрьмы размышлять о своихъ находкахъ!“

Позже соціализмъ сталъ говорить, во имя государственной метафизики. Такъ какъ миссіей государства, говорилъ онъ, является главнымъ образомъ защита слабыхъ отъ сильныхъ, его долгъ—оказывать всяческую помощь и поддержку рабочимъ ассоціаціямъ. Государство одно можетъ поддержать рабочія общества въ ихъ борьбѣ противъ капитала и противопоставить капиталистической эксплоатаціи свободныя коопераціи рабочихъ со складами полнаго продукта ихъ труда.—А имъ буржуазія отвѣтила картечными залпами іюня 48 года.

И только 20—30 лѣтъ спустя, когда народныя массы были призваны вступить въ Интернаціональнос

Общество Рабочихъ, соціализмъ сталъ говорить во имя народа. Только тогда, развиваясь мало по малу на конгрессахъ большой Ассоціаціи и позже его последователями, онъ пришелъ къ слѣдующему заключенію:

„Всѣ накопленныя богатства являются продуктами труда всѣхъ—всего настоящаго поколѣнія и всѣхъ поколѣній предшествующихъ. Вотъ этотъ домъ, въ которомъ мы собрались сейчасъ, имѣетъ цѣнность только потому, что онъ находится въ Парижѣ—въ этомъ великолѣпномъ городѣ, гдѣ скоплены труды двадцати поколѣній. Перенесите его въ снѣга Сибири, и цѣнность этого дома сведется къ нулю. Машина, которую вы изобрѣли и на которую получили патентъ, носитъ въ себѣ знанія пяти или шести поколѣній; и она цѣнна только какъ часть того огромнаго цѣлаго, что мы называемъ промышленностью девятнадцатаго столѣтія. Перенесите вашу машину для выдѣлки кружевъ къ папуасамъ или въ Новую Гвинею, и тамъ цѣнность ея будетъ ничтожной. Эта книга, наконецъ, это произведеніе вашего генія,—мы сомнѣваемся, удастся ли вамъ опредѣлить, сколь велика часть *вашихъ* знаній въ вашихъ превосходныхъ выводахъ! Факты? Цѣлое поколѣніе трудилось надъ собираніемъ ихъ. Идеи? быть можетъ, это локомотивъ, прорѣзающій поля который внушилъ ихъ вамъ. Красота формы? вы нашли ее, восхищаясь Венерой Милосской или произведеніемъ Мурильо. И только благодаря общему цѣлому нашей цивилизаціи ваша книга имѣетъ на насъ какое-нибудь вліяніе.

Все принадлежитъ всѣмъ! И мы сомнѣваемся, удастся ли кому бы то ни было опредѣлить принадлежащую каждому часть въ общей суммѣ богатствъ. Вотъ громада инструментовъ, которую создалъ девятнадцатый вѣкъ; вотъ милліоны желѣзныхъ рабовъ, которыхъ мы называемъ машинами и которые строгаютъ и пилятъ, ткутъ и прядутъ за насъ, обрабатываютъ данныя природой вещества и совершаютъ чудеса нашей эпохи. Никто не имѣетъ права перекупить какую-либо изъ этихъ машинъ и сказать другимъ: „Это—мое; если вы хотите воспользоваться этой машиной для производства, то должны заплатить мнѣ налогъ съ каждой вещи, которая будетъ вами сработана", — точно такъ же, какъ средневѣковый сеньоръ не имѣлъ права сказать земледѣльцу: „Этотъ холмъ, этотъ лугъ—мои, и вы заплатите мнѣ налогъ за каждый снопъ хлѣба, что вы соберете, за каждый стогъ сѣна, который вы сложите".

Все принадлежитъ всѣмъ! И если мужчина и женщина вносятъ свою долю работы для производства необходимыхъ предметовъ, они имѣютъ право на свою долю изъ всей массы того, что будетъ произведено всѣми!

II.

„Все принадлежитъ всѣмъ. И если мужчина и женщина вносятъ свою долю работы для производства необходимыхъ предметовъ, они имѣютъ право на свою

долю изъ всей массы того, что будетъ произведено всѣми".

Но вѣдь это коммунизмъ?—скажете вы. Да, это коммунизмъ. Но коммунизмъ, говорящій не во имя религіи и не во имя государства, а во имя народа.

Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ въ средѣ рабочаго класса свершилось грандіозное пробужденіе. Предразсудокъ частной собственности падаетъ. Все болѣе и болѣе привыкаетъ рабочій смотрѣть на фабрику, желѣзную дорогу, копи не какъ на феодальный замокъ, принадлежащій сеньору, а какъ на общественно-полезное учрежденіе, которое всѣ имѣютъ право контролировать.

Идея общественнаго владѣнія не была выработана путемъ послѣдовательныхъ выводовъ какимъ-либо кабинетнымъ ученымъ. Эта мысль родилась въ умахъ рабочей массы. И когда революція, которую дастъ намъ конецъ настоящаго вѣка, приведетъ въ смятеніе лагерь эксплоататоровъ,—вы увидите, что громадная народная масса потребуетъ экспропріаціи и заявитъ свои права на заводъ, на фабрику, на локомотивъ и пароходъ.

Наряду съ тѣмъ, какъ во второй половинѣ нашего столѣтія развилось чувство неприкосновенности личности, въ массахъ выросло и чувство *коллективнаго права* на все, что служитъ для производства благъ. Это фактъ. И еслибъ кто-либо захотѣлъ жить, какъ мы, жизнью народа, и слѣдить за его развитіемъ, онъ согласился бы, что подобное утвержденіе предста-

вляетъ собою только вѣрное резюме народныхъ стремленій.

Да, тенденція конца XIX вѣка есть стремленіе къ коммунизму; не къ коммунизму монастыря или казармы, проповѣдывавшемуся когда-то, а къ свободному коммунизму, который даетъ всѣмъ возможность пользоваться продуктами, собранными или сфабрикованными сообща и оставляетъ за каждымъ свободу потребленія по своему вкусу, у себя дома.

Это рѣшеніе является наиболѣе доступнымъ для народныхъ массъ, рѣшеніе, котораго народъ требуетъ всякій разъ въ часы торжества. Въ 1848 году формула: „каждый даетъ по возможности, каждый получаетъ по его потребностямъ" оказывается наиболѣе близкой сердцу массъ. Если они привѣтствуютъ Республику, всеобщую подачу голосовъ, то только потому, что надѣются въ концѣ этапа найти коммунизмъ. И въ 1871 году, въ осажденномъ Парижѣ, когда народъ хочетъ сдѣлать отчаянное усиліе, чтобъ противостоять завоевателю, чего онъ требуетъ?—дѣлежа.

Собрать во одно общее всѣ продукты и дѣлить ихъ соразмѣрно потребностямъ каждаго. Устроить общій складъ всего, что имѣется въ изобиліи, и дѣлить тѣ предметы, которыхъ можетъ не хватить—вотъ народное рѣшеніе. Оно практикуется ежедневно въ деревняхъ. Когда луговъ достаточно, — какая Коммуна вздумаетъ ограничить пользованіе ими? Если топлива и каштановъ достаточно,—какая Коммуна запретитъ своимъ членамъ брать сколько угодно? А когда лѣсу

начинаетъ не хватать, къ чему прибѣгаетъ крестьянинъ?—къ дѣлежу.

Устройство общаго склада для всѣхъ имѣющихся въ достаткѣ продуктовъ. Дѣлежъ по порціямъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, производство которыхъ ограничено, дѣлежъ сообразно потребностямъ, отдавая преимущество дѣтямъ и старикамъ, однимъ словомъ, малосильнымъ.

И все это потребляется не изъ общественнаго котла, но *у себя, сообразно своимъ индивидуальнымъ вкусамъ,* въ кругу своей семьи и своихъ друзей. Вотъ каковъ идеалъ массъ, выразителемъ которыхъ мы являемся.

Но не достаточно сказать: „Коммунизмъ, экспропріація"! Необходимо знать еще, на комъ будетъ лежать управленіе общественнымъ имуществомъ; вотъ по этому-то вопросу и расходятся главнымъ образомъ соціалистическія школы: одни хотятъ коммунизма авторитарнаго, а мы открыто стоимъ за коммунизмъ анархическій.

Чтобъ разобрать оба направленія, возвратимся еще разъ къ пункту нашего отправленія—революціи прошлаго столѣтія.

Свергнувъ королевскую власть, революція провозгласила суверенитетъ народа. Но, оставаясь непослѣдовательной, что было вполнѣ естественно для той

эпохи, она провозгласила суверенитетъ не постоянный, а перемежающійся, практикующійся только черезъ извѣстные промежутки времени, для выбора депутатовъ,. которые, какъ это предполагалось, должны были являться представителями народа. По существу, революція скопировала институты представительнаго правительства Англіи.

Революція была потоплена въ крови, но тѣмъ не менѣе представительное правленіе стало боевымъ кличемъ Европы. Вся Европа, за исключеніемъ Россіи, испробовала его подъ всѣвозможными формами, начиная съ правленія конституціоннаго и кончая прямымъ правленіемъ маленькихъ республикъ Швейцаріи.

Но, удивительная вещь, по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ идеальному представительному правленію, избранному всеобщей вполнѣ свободной подачей голосовъ, мы открываемъ въ немъ существенные недостатки. Мы приходимъ къ заключенію, что этотъ способъ управленія грѣшитъ въ самой основѣ своей.

И дѣйствительно, не абсудно ли брать изъ среды населенія извѣстное количество людей и довѣрять имъ заботу обо *всѣхъ* народныхъ дѣлахъ, говоря имъ: „Займитесь ими, мы складываемъ съ себя и передаемъ вамъ всю работу. Ваше дѣло издавать законы обо всемъ: вооруженіи и бѣшеныхъ собакахъ, обсерваторіяхъ и дымовыхъ трубахъ, просвѣщеніи и подметаніи улицъ. Сговаривайтесь, какъ вамъ будетъ угодно и составляйте законы, ибо вы избранники, которыхъ народъ нашелъ годными для всякаго дѣла".

Я не знаю, граждане, но кажется мнѣ, что еслибъ предложили серіозному человѣку подобный постъ, онъ долженъ былъ бы отвѣтить приблизительно такъ:

„Граждане, вы довѣряете мнѣ работу, въ которой я не имѣю познаній по большинству изъ тѣхъ вопросовъ, относительно которыхъ мнѣ придется составлять законы. Одно изъ двухъ, или я буду дѣйствовать отчасти слѣпо, и вы здѣсь ничего не выиграете, или я обращусь къ вамъ и созову собранія, на которыхъ вы сами постараетесь придти къ соглашенію по каждому вопросу; моя роль станетъ въ такомъ случаѣ безполезной. Если вы составили себѣ опредѣленное мнѣніе и если вы его сформулировали, если вы хотите столковаться съ другими гражданами, тэже составившими себѣ мнѣніе по этому предмету,—вы можете просто войти въ обмѣнъ мыслями съ вашими сосѣдями и послать делегата, который сможетъ придти къ соглашенію съ другими делегатами по поводу этого частнаго вопроса. Но вы навѣрное оставите за собою свое окончательное рѣшеніе. Вы не довѣрите ему изданія для васъ законовъ. Такъ поступаютъ уже ученые, промышленники всякій разъ, какъ имъ необходимо придти къ соглашенію по вопросамъ, касающимся общаго интереса?

Но это будетъ отрицаніе представительнаго правленія, правительства и государства? И однако, эта идея растетъ повсюду съ тѣхъ поръ, какъ недостатки представительнаго правленія, обнаженныя, сдѣлались столь кричащими.

Нашъ вѣкъ пошелъ еще дальше. Онъ поставилъ на обсужденіе правà государства и общества по отношенію къ индивиду. Былъ поставленъ вопросъ, до какого предѣла необходимо вмѣшательство государства въ тысячи общественныхъ функцій.

Нуждаемся ли мы, дѣйствительно, въ правительствѣ для воспитанія нашихъ дѣтей? Пусть только рабочій будетъ имѣть свободное время, чтобъ самому образовываться,—и вы увидите, какъ повсюду станутъ появляться, обязанныя свободной иниціативѣ родителей и лицъ, любящихъ педагогію, тысячи обществъ просвѣщенія, школъ всѣхъ родовъ, соперничающихъ между собой за превосходство преподаванія. Еслибъ мы не были придавлены налогами и эксплоатируемы нашими хозяевами, какъ это есть въ дѣйствительности,—развѣ мы не сумѣли бы это сдѣлать безконечно лучше сами? Большіе центры взяли бы на себя иниціативу усовершенствованій и подавали бы примѣръ; а прогрессъ, разъ совершившись,—никто изъ васъ въ этомъ не сомнѣвается,—былъ бы несравненно выше того, который мы получаемъ отъ нашихъ министерствъ.

Необходимо ли государство даже для защиты территоріи? Если вооруженные разбойники нападутъ на свободный народъ, то этотъ самый народъ, вооруженный, снабженный всѣми необходимыми средствами, не представляетъ ли онъ самъ наиболѣе надежный оплотъ, могущій противопоставить себя внѣшнимъ



врагамъ? Постоянныя арміи всегда побиваются нападающими, и—исторія тому свидѣтель,—если удается ихъ отбросить, то это дѣлаетъ всегда только поднявшійся народъ.

Отличная машина для поддержки монополій, смогло ли бы государство защитить насъ отъ нѣсколькихъ индивидовъ, которые оказались бы склонными приносить намъ вредъ? Создавая нищету, развѣ оно не увеличиваетъ количества преступленій, вмѣсто того, чтобъ ихъ уменьшать? Создавая тюрьмы, которыя поглощаютъ цѣлыя поколѣнія взрослыхъ и дѣтей, выходящихъ безконечно болѣе испорченными, чѣмъ они были въ тотъ день, когда вошли туда,—развѣ государство не содержитъ разсадниковъ пороковъ на счетъ плательщиковъ податей?

Заставляя насъ передавать другимъ заботу о нашихъ дѣлахъ, развѣ государство не создаетъ самаго ужаснаго изъ всѣхъ общественныхъ пороковъ—индиферентизма въ области общественнаго дѣла?

И съ другой стороны, если мы станемъ анализировать всѣ великіе успѣхи нашего вѣка—нашу международную торговлю, наши промышленныя открытія, наши пути сообщенія,—что мы найдемъ, кому мы обязаны ими: государству или частной инціативѣ?

Вотъ сѣть желѣзныхъ дорогъ, покрывающая всю Европу. Вы берете, напримѣръ, въ Мадридѣ билетъ прямо до Петербурга. Вы катите по дорогамъ, ко-

торыя были сооружены милліонами рабочихъ, привиденныхъ въ движеніе двумя десятками компаній; испанскіе, французскіе, баварскіе, русскіе локомотивы будутъ прицѣпляться къ вашему вагону. Вы катите, не теряя нигдѣ болѣе двадцати минутъ, и двѣсти франковъ, заплаченныхъ вами въ Мадридѣ, распредѣлятся поровну между компаніями, которыя способствовали вашей поѣздкѣ.

И вотъ, эта линія отъ Мадрида до Петербурга составилась изъ отдѣльныхъ небольшихъ звеньевъ, которыя мало по малу были соединены. Поѣзда прямого сообщенія являются результатомъ соглашенія между двадцатью различными компаніями. Я знаю, что сначала были несогласія, что компаніи, вслѣдствіе плохо понятого эгоизма, не хотѣли войти въ соглашеніе съ другими. Но я спрашиваю васъ: что было бы лучше? подвергнуться этимъ недоразумѣніямъ или ждать, чтобъ какой-нибудь Бисмаркъ, Наполеонъ или Чингисханъ покорилъ Европу, начерталъ бы линіи по компасу и приказалъ пустить въ ходъ поѣзда? Мы бы еще и теперь ѣздили въ дилижансахъ.

Сѣть вашихъ желѣзныхъ дорогъ является произведеніемъ человѣческаго ума, переходящаго отъ простого къ сложному, независимыми усиліями заинтересованныхъ! Такимъ-то образомъ и осуществились всѣ великія предпріятія нашего вѣка. Мы платимъ, правда, слишкомъ дорого управляющимъ этими предпріятіями. Отличное основаніе для уничтоженія ихъ ренты, но не для того, чтобъ передать управленіе желѣзными дорогами Европы—европейскимъ правительствамъ.

Сколько тысячъ примѣровъ можно было бы привести для обоснованія той же самой мысли! Возьмите всѣ большія предпріятія: суэцкій каналъ, навигацію черезъ Атлантическій океанъ, телеграфъ, соединяющій обѣ Америки. Возьмите, наконецъ, эту промышленную организацію, которая даетъ вамъ возможность, вставъ утромъ, быть увѣренными въ томъ, что достанете хлѣбъ у булочника,—если только вы имѣете чѣмъ заплатить, а это не всегда бываетъ въ наши дни,—мясо у мясника и все необходимое въ магазинахъ. Развѣ это плодъ работы государства? Конечно, мы ужасно дорого платимъ теперь за посредничество. Еще одно основаніе для его уничтоженія, но не для того, чтобъ видѣть необходимость порученія правительству заботы о доставленіи намъ пищи и одежды.

Но о чемъ я говорю! Если мы присмотримся ближе къ развитію человѣческаго ума въ нашу эпоху, мы будемъ поражены многочисленностью обществъ, которыя основываетъ человѣкъ для удовлетворенія своихъ безконечно разнообразныхъ нуждъ: обществъ ученыхъ, промышленныхъ, обществъ для развлеченія и отдыха; одни, маленькія, имѣютъ своею цѣлью распространеніе универсальнаго языка или какого-либо метода стенографіи, другія, грандіозныя, какъ то, которое основалось недавно для защиты береговъ Англіи, для избѣжанія необходимости судовъ, и т. д. Еслибъ кто захотѣлъ составить каталогъ милліонамъ обществъ, существующихъ въ Европѣ, пришлось бы исписать томы, и мы увидѣли бы, что нѣтъ ни одной вѣтви человѣческой дѣятельности, которой бы не было по-

священо какое-либо общество. Само государство призвало къ этому въ наиболѣе важной области своего вѣденія—войнѣ. Оно сказало: „Мы беремъ на себя убивать, но намъ не подъ силу заботиться о жертвахъ; основывайте общества Краснаго Креста, чтобъ собирать ихъ на поляхъ сраженій и ухаживать за ними"!

Итакъ, граждане и гражданки, пусть другіе превозносятъ промышленную казарму и монастырь авторитарнаго коммунизма, мы заявляемъ, что тенденція обществъ движется въ направленіи противоположномъ. Мы видимъ, какъ свободно учреждаются милліоны группъ, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе всѣхъ разнообразныхъ нуждъ человѣческихъ существъ,—группъ, изъ которыхъ одни организованы по кварталамъ, по улицамъ, по домамъ, другія—подаютъ другъ другу руки черезъ стѣны городовъ, черезъ границы и океаны. Всякое соединеніе человѣческихъ существъ, свободно сходящихся другъ съ другомъ и отдѣлавшихся отъ своей работы производителей, организуется въ ассоціаціи,—потребительскія, для производства предметовъ роскоши, или имѣющихъ цѣлью двинуть науку въ новомъ направленіи.

Такова тенденція XIX столѣтія, и мы слѣдуемъ ей. Мы добиваемся только ея свободнаго развитія, безъ помѣхъ со стороны правительствъ.

Свобода индивиду! „Возьмите камни, говорилъ Фурье, положите ихъ въ ящикъ и потрясите. Они уложатся сами въ мозаику, которой вамъ никогда бъ

не удалось устроить, еслибъ вы поручили кому-нибудь заботу о томъ, чтобъ правильно расположить эти камни".

III.

Теперь, граждане и гражданки, позвольте мнѣ перейти къ третьей части моей темы—наиболѣе важной съ точки зрѣнія будущаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія: религіи падаютъ. Девятнадцатое столѣтіе нанесло имъ смертельный ударъ. Но религіи, всѣ религіи, двойственны по своему составу. Онѣ содержатъ, во первыхъ, примитивную космогонію, грубое объясненіе природы, и во вторыхъ,—изложеніе популярной морали, взрощенной и развившейся въ средѣ народной массы.

Но выбросивъ за бортъ религіи, сдавъ въ архивы въ качествѣ историческихъ рѣдкостей ихъ космогоніи, помѣстимъ ли мы также въ музеи тѣ принципы морали, которые онѣ содержатъ?

Это было сдѣлано, и мы видѣли, какъ цѣлое поколѣніе объявило, что не вѣруетъ больше въ религію и смѣется надъ ея моралью, открыто провозгласивъ принципъ буржуазнаго эгоизма — „Каждый за себя".

Но всякое общество, состоитъ ли оно изъ людей или животныхъ, не можетъ существовать безъ того, чтобы не выработать въ своей средѣ извѣстныя правила и обычаи морали. Религія можетъ пасть, но мораль останется.

Если мы дойдемъ до признанія того, что каждый отлично дѣлаетъ, когда лжетъ, обманываетъ своихъ сосѣдей, грабитъ ихъ, когда это возможно (такова мораль буржуазіи въ ея экономическихъ отношеніяхъ),— то мы придемъ къ невозможности совмѣстной жизни. Вы завѣряете меня въ вашей дружбѣ, — но, можетъ быть, только для того, чтобъ лучше меня обокрасть. Вы обѣщаете мнѣ сдѣлать что-нибудь, — опять таки, чтобъ меня надуть. Вы обѣщаетесь передать письмо— и вы крадете его у меня, какъ простой тюремный смотритель.

Въ подобныхъ условіяхъ существованіе общества становится невозможнымъ. Это сознается всѣми настолько, что отрицаніе религіи ничуть не мѣшаетъ утвержденію общественной морали, ея развитію и стремленію къ все болѣе и болѣе возвышеннымъ цѣлямъ.

Фактъ этотъ столь разителенъ, что философы стараются объяснить его принципами утилитаризма. И недавно Спенсеръ пытался обосновать эту существующую средь насъ мораль на причинахъ физіологическихъ и на необходимости сохраненія расы.

Чтобъ наилучшимъ образомъ изложить вамъ, что *мы* думаемъ по тому же предмету, позвольте мнѣ сдѣлать это на примѣрѣ.

Вообразите себѣ такую картину: вотъ тонетъ ребенокъ, и четверо людей на берегу видятъ, какъ онъ борется съ волнами. Одинъ изъ нихъ не двигается съ мѣста—это послѣдователь принципа „каждый за

себя“ торгующей буржуазіи, человѣкъ недоразвившійся,—не будемъ о немъ говорить! Другой размышляетъ такъ: „Если я спасу ребенка, то Создатель возблагодаритъ меня, удвоивъ мои стада и моихъ рабовъ“. — И онъ бросается въ воду. — Это человѣкъ нравственный? Очевидно, нѣтъ! Онъ хорошо высчитываетъ, вотъ и все.

Третій—утилитаристъ размышляетъ такъ (или по крайней мѣрѣ его заставляютъ такъ разсуждать философы-утилитаристы): „Наслажденія можно раздѣлить на двѣ категоріи, — наслажденія низменныя и наслажденія возвышенныя. Спасти кого-нибудь — это высокое наслажденіе, безконечно болѣе сильное и продолжительное, чѣмъ всѣ прочія; — итакъ, спасемъ ребенка“! Допустимъ, что человѣкъ никогда не размышлялъ подобнымъ образомъ, но не представляетъ ли онъ собою ужаснаго эгоиста? И помимо того, развѣ мы можемъ быть увѣрены, что въ извѣстный моментъ его софистическій мозгъ не заставитъ склониться его волю на сторону низменныхъ наслажденій?

Вотъ, наконецъ, четвертый. Съ дѣтства онъ былъ воспитанъ такъ, что чувствовалъ себя *единымъ* со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ. Съ дѣтства онъ думалъ всегда, что люди солидарны. Онъ привыкъ страдать, когда страдаютъ другіе рядомъ съ нимъ, и чувствовать себя счастливымъ, когда счастливы всѣ кругомъ! И лишь только онъ услыхалъ отчаянные крики матери, онъ, не размышляя, инстинктивно, бросился въ воду, чтобъ спасти ребенка. И когда мать

благодаритъ его, онъ отвѣчаетъ ей: „Не за что, милая! Я такъ счастливъ, видя васъ счастливой. Я поступилъ совершенно естественно, иначе поступить я не могъ“!

Ваши взгляды, гражданки, говорятъ мнѣ: вотъ поистинѣ нравственный человѣкъ, другіе съ нимъ рядомъ только эгоисты.

И вотъ, граждане, въ этомъ вся анархистская мораль. Мораль безъ принужденія или санкціи, мораль утвержденная обычаемъ. Создадимъ условія, при которыхъ человѣкъ не будетъ принужденъ лгать, обманывать, эксплоатировать другихъ. И моральный уровень человѣчества, самой силою вещей подымется до невѣдомой доселѣ высоты.

Но, конечно, не преподаваніемъ моральнаго катехизиса нравственно перевоспитываютъ людей. Не суды и не тюрьмы уменьшаютъ пороки; цѣлыми потоками разливаютъ они ихъ въ обществѣ. Надо поставить людей въ условія, благопріятствующія развитію привычекъ общественной жизни и ослабить тѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ этому.

Вотъ единственное средство для нравственнаго перевоспитанія людей.

Мораль, перешедшая въ состояніе самопроизвольности, — такова истиная мораль; она одна остается всегда, въ то время, какъ религіи и философскія системы преходятъ...

Теперь, гражданки и граждане, соедините эти три

элемента, и вы получите анархію и ея мѣсто въ соціалистической эволюціи:

Освобожденіе производителя отъ ига капитала. Коммунальное производство и свободное потребленіе всѣхъ продуктовъ совмѣстной работы.

Освобожденіе отъ ярма правительства. Свободное развитіе индивидовъ въ группахъ и группъ въ федераціяхъ. Свобода организацій отъ простыхъ до сложныхъ сообразно взаимнымъ нуждамъ и тенденціямъ.

Освобожденіе отъ религіозной морали. Свободная мораль, безъ принужденія и санкціи, развивающаяся изъ самой жизни общества и переходящая въ состояніе обычая.

Это не мечта кабинетныхъ мыслителей. Это выводъ, явившійся результатомъ анализа *тенденцій* современныхъ обществъ: Анархистскій коммунизмъ—это синтезъ двухъ основныхъ тенденцій нашихъ обществъ: стремленій къ экономическому равенству и къ политической свободѣ.

Пока коммунизмъ представлялся въ формѣ авторитарной, включающей необходимость правительства, обладающаго еще большей властью, чѣмъ та, которой оно обладаетъ теперь, ибо оно включаетъ понятіе власти экономической въ большей степени, чѣмъ политической,—коммунизмъ не находилъ отклика. Онъ могъ воодушевить на моментъ рабочаго, который наканунѣ 1848 года былъ готовъ подчиниться какому угодно всемогущему правительству, лишь бы оно помогло ему выбраться изъ того ужаснаго положенія,

въ которомъ онъ находился. Но истинные друзья свободы оставались холодными. Въ настоящее время политическое воспитаніе настолько подвинулось впередъ, что представительное правленіе, будетъ ли оно ограничено сферой одной коммуны или распространено на всю націю, не воодушевитъ городскихъ рабочихъ.

Анархистскій коммунизмъ стремится къ побѣдѣ, наиболѣе цѣнной изъ всѣхъ,—свободѣ индивида. Онъ расширяетъ ее и даетъ ей солидную базу — свободу экономическую, безъ которой политическая свобода остается пустымъ звукомъ.

Отрѣшившись отъ бога-господина вселенной, бога-Цезаря и бога-Парламента, анархистскій коммунизмъ не требуетъ отъ индивида, чтобъ онъ поставилъ надъ собой еще болѣе чудовищнаго бога-общество, чтобъ онъ сложилъ у его престола свою независимость, волю, свои вкусы и далъ обѣтъ аскетизма, какъ это дѣлалось когда-то предъ распятымъ богомъ.

Наоборотъ, онъ говоритъ ему: „Нѣтъ свободнаго общества, пока не свободенъ индивидъ! Не думай исправить общество, ставя надъ нимъ власть, которая нивеллируетъ все. Ты потерпишь фіаско въ этомъ предпріятіи такъ же, какъ папа и Цезарь.— Но измѣни общественныя отношенія, такъ, чтобы подобные тебѣ не стали бы въ силу вещей твоими врагами. Уничтожь условія, позволяющія нѣсколькимъ скупать плоды трудовъ другихъ. И вмѣсто того, чтобъ пытаться престроить общество сверху вниз отъ,

центра къ периферіи, дай ему свободно развиваться отъ формъ простыхъ къ сложнымъ черезъ свободный союзъ свободныхъ группъ. Теперь стѣсненный, этотъ ходъ и является истиннымъ ходомъ развитія общества. Не пытайся мѣшать ему, не поворачивайся спиной къ прогрессу, шествуй вмѣстѣ съ нимъ!— Чувство общественности, свойственное всѣмъ человѣческимъ существамъ, какъ и всѣмъ живущимъ обществами животнымъ, получитъ возможность свободно развиваться, когда наши братья перестанутъ быть нашими врагами.—И мы придемъ къ такому положенію вещей, при которомъ каждый сможетъ свободно проявлять свои наклонности, даже свои страсти, безъ какого бы то ни было препятствія, кромѣ любви и уваженія къ его окружающимъ".

Вотъ нашъ идеалъ. Это идеалъ, скрытый въ сердцахъ народовъ, всѣхъ народовъ.

Мы знаемъ, что не достигнемъ этого идеала безъ сильныхъ потрясеній.

Конецъ этого вѣка готовитъ намъ грандіозную революцію. Выйдетъ ли она изъ Франціи, Германіи, Испаніи или Россіи, она будетъ европейской. Она распространится съ такой же быстротой, что и революція нашихъ старшихъ, героевъ 1848 года. Она обойметъ всю Европу.

Она не произойдетъ во имя простой перемѣны правительства. Она будетъ имѣть соціальный характеръ. Начнется экспропріація, эксплоататоры будутъ изгнаны. Хотите ли вы ея или нѣтъ,—она свершится

независимо отъ воли отдѣльныхъ индивидовъ. И если уже отмѣнятъ частную собственность, то невозможно будетъ не придти къ коммунизму. Но коммунизмъ не можетъ быть ни авторитарнымъ, ни парламентарнымъ. Онъ будетъ анархистскимъ или его не будетъ совсѣмъ. Народная масса не хочетъ больше довѣряться никакому спасителю: она постарается организоваться сама.

Не потому, что мы представлаемъ себѣ людей лучшими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, говоримъ мы о коммунизмѣ и анархіи. Еслибъ среди насъ были ангелы, мы бы могли довѣрить имъ заботу о нашей организаціи. И все-таки довольно скоро у нихъ выросли бъ рога! Но вотъ именно потому, что мы беремъ людей такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, мы говоримъ: „Не довѣряйте имъ заботы объ управленіи вами. Какой-нибудь подлый министръ былъ бы, можетъ быть, отличнымъ человѣкомъ, еслибъ ему не дали въ руки власти. Единственное средство достиженія гармоніи интересовъ,—это общество безъ эксплоататоровъ, безъ правителей“. Именно потому, что нѣтъ ангеловъ среди людей, мы говоримъ: Сдѣлайте такъ, чтобъ каждый человѣкъ видѣлъ свой интересъ въ интересахъ другихъ, и вамъ нечего будетъ бояться дурныхъ страстей.

Анархистскій коммунизмъ является неизбѣжнымъ результатомъ современныхъ *тенденцій*, и къ этому идеалы должны мы стремиться, вмѣсто того, чтобъ сказать: „Да, анархія прекрасный идеалъ“, а затѣмъ повернуться спиною къ нему.

И если грядущей революціи не удастся осуществить этотъ идеалъ цѣликомъ,—то все, что будетъ сдѣлано въ направленіи къ этому идеалу, останется; все, что будетъ сдѣлано въ направленіи противоположномъ, будетъ осуждено на исчезновеніе.

Главное правило.—Народная революція можетъ быть побѣждена, но она даетъ лозунгъ слѣдующему за ней вѣку эволюціи. Францiя задыхается подъ каблуками союзниковъ въ 1815 году, но это Францiя внушаетъ Европѣ уничтоженіе рабства, представительное правленіе. Всеобщая подача голосовъ потоплена въ крови, но она становится лозунгомъ вѣка.

Коммуна испускаетъ духъ въ 1871 году средь картечныхъ залповъ, но именно свободная Коммуна становится лозунгомъ во Франціи.

И если анархистскій коммунизмъ будетъ побѣжденъ во время грядущей революціи, отъ него останется не только уничтоженіе частной собственности; не только рабочій завоюетъ себѣ настоящее мѣсто въ обществѣ, не только земельная и промышленная аристократія получитъ смертельный ударъ.—Но именно анархистскій коммунизмъ станетъ точкой прицѣла эволюціи двадцатаго столѣтія.

Онъ заключаетъ въ себѣ все самое лучшее, самое вѣчное, что выработало человѣчество: чувство справедливости, чувство свободы, солидарность, ставшую для человѣка необходимостью. Онъ гарантируетъ свободу развитія индивида и общества. И онъ одержитъ побѣду.



ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ

НОВЫЯ КНИГИ:

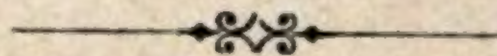
В. Либкнехтъ. Рыцари труда. Соціальный романъ . . . . **50** к.

Осипъ Дымовъ. Бунтовщики . . . . . . **10** к.

Осипъ Дымовъ. Погромъ . . . . **8** к.

А. Гартглясъ. Территорія и нація . . . . **6** к.

Пр. Массарикъ. Націонализмъ и интернаціонализмъ соціальдемократіи . . . . **10** к.



СПБ., Фонтанка, 52. С. Калменсъ.

Москва, Мясницкая, 35. Кн. складъ „Пресса“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Грамотность“ Невскій пр., 82.
1907.